

Минатуллаева Мадина Магомед-Шапиевна

ЖАНРОВАЯ ПАЛИТРА ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ 60-70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию жанрового многообразия дагестанской поэзии 60-70-х годов XX века. В результате анализа сделан вывод о том, что жанровая палитра рассматриваемого периода сложилась не без плодотворного воздействия опыта русской литературы и литературы народов Востока, но при этом дагестанская поэзия сохраняет черты национального своеобразия, национального менталитета. В дагестанской поэзии 60-70-х годов XX века укрепились крупные и малые поэтические жанры, такие как лиро-эпическая поэма и ее разновидности - поэма-монолог, поэма-сцепление, поэма-воспоминание, а также сказание, легенда, баллада, сонет, этюд, элегия, восьмистишие и стихи-посвящения, стихи-обращения, стихи-наставления и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 29-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Подведем итоги. Моральная сентенция, открывающая басню И. А. Крылова «Ворона и Лисица», организована баснописцем на основе высказываний четырех первичных субъектов речи. Первый из них характеризует лесть словом *гнусна*, акцентируя коммуникативное поведение льстящего; второй – расширяет характеристику лести (*вредна*), намекая на вред, который лесть таит для того, кому льстят, и на вред для всего общества. Третий субъект свидетельствует о том, что само представление о вреде и гнусности лести перестало быть знанием, убеждением, а выродилось в бесполезное мнение. Четвертый субъект изменяет точку зрения на проблему: следует говорить не о лести, а льстеце, а также воздействовать не на ум, а на чувства современников и общества в целом. Используя ценностно-смысловые ресурсы этих 4 позиций, автор-баснописец уходит от прямого морального слова, оформляя свою точку зрения как парадоксальную метапозицию, ориентированную на широкий культурно-исторический контекст с его магистральной коллизией «ум с сердцем не в ладу» [9].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Белинский В. Г. Басни И. А. Крылова // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9-ти томах. М.: Худ. лит., 1981. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки. С. 375-382.
3. Гаспаров М. Л. Басня // Литературный энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1987. С. 46-47.
4. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/zhukovsky/texts/zhuk4/zh4/zh4-402-.htm> (дата обращения: 06.02.2016).
5. Крылов И. А. Басни [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/LITRA/KRYLOW/basni.txt> (дата обращения: 06.02.2016).
6. Максимов В. В. «Ворон и Лисица» Эзопа: опыт нарратологической реконструкции басенной фабулы [Электронный ресурс] // *Narratorium*. М.: РГГУ, 2013. № 3-4. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631074> (дата обращения: 06.02.2016).
7. Нестеренко В. Произведение морали (анализ басни) [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. М., 1998. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/2/nester.html> (дата обращения: 06.02.2016).
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
9. Ранчин А. «Ум с сердцем не в ладу». Образ Чацкого и авторская позиция в «Горе от ума» [Электронный ресурс] // Новый мир. 2015. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/2/14ran.html (дата обращения: 06.02.2016).
10. Федоров В. В. О природе поэтической реальности. М.: Советский писатель, 1984. 184 с.
11. Фомичев С. А. Последний русский баснописец // XVIII век. СПб.: Наука, 1996. Вып. 18. С. 267-273.
12. Фрейденберг О. М. Басня // Синий диван. 2007. № 10-11. С. 126-156.

I. A. KRYLOV "THE RAVEN AND THE FOX": THE PECULIARITIES OF EXPRESSING A MORAL MAXIM

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

As a defining genre feature of a fable its multi-discursivity is observed, that is a complex interaction of four communicative strategies: scientific (cognitive), moral (ethical), agonal (rhetoric) and esthetic. On the basis of a multi-discursive model of the genre the means of realization of a moral lesson in the fable by I. A. Krylov "The Raven and the Fox" are analyzed.

Key words and phrases: fable; genre; discourse; moral maxim; the subject of speech.

УДК 821.351.0(=943.32)

Статья посвящена исследованию жанрового многообразия дагестанской поэзии 60-70-х годов XX века. В результате анализа сделан вывод о том, что жанровая палитра рассматриваемого периода сложилась не без плодотворного воздействия опыта русской литературы и литературы народов Востока, но при этом дагестанская поэзия сохраняет черты национального своеобразия, национального менталитета. В дагестанской поэзии 60-70-х годов XX века укрепились крупные и малые поэтические жанры, такие как лиро-эпическая поэма и ее разновидности – поэма-монолог, поэма-сцепление, поэма-воспоминание, а также сказание, легенда, баллада, сонет, этюд, элегия, восьмистишие и стихи-посвящения, стихи-обращения, стихи-наставления и др.

Ключевые слова и фразы: поэзия; жанр; поэма; сказание; легенда; баллада; сонеты; этюд; элегия; восьмистишие; стихи.

Минатуллаева Мадина Магомед-Шапиевна, к. филол. н.
Дагестанский институт развития образования
m_minatulaeva@mail.ru

ЖАНРОВАЯ ПАЛИТРА ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ 60-70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В 60-70-е годы XX века дагестанская поэзия отошла от умалявших ее эстетические возможности прямолинейности и демагогической декларативности. На смену им сформировалось новое отношение к миру и общественным явлениям. От одического воспевания достижений, абстрактной патетики или лобовой критики

недостатков, избличения пороков литература пришла к новому типу чувствования, при котором рифмованная регистрация происходящего вокруг уже не считалась решением социальной и, как отражение реальности, эстетической задачи, а выдвигала и «сверхзадачу» – глубоко и многомерно осмысливать жизнь в ее противоречивом развитии.

Эти плодотворные сдвиги обеспечили дагестанской поэзии конца столетия ту ступень профессиональной зрелости, когда она была способна самобытно разрабатывать темы классической литературы, т.е. «вечные темы» – смысл человеческого существования, борьба добра и зла, ценность личности – без классовых и словесных различий. И что очень важно: при этом дагестанская поэзия не теряет черты национального своеобразия, национального менталитета.

Жанровая палитра дагестанской поэзии в 60-70-е годы складывалась в результате творческого взаимодействия с русской литературой. В особенности это воздействие плодотворно сказалось в зарождении крупных поэтических форм – поэм и романов в стихах. Правда, в творчестве дагестанских поэтов дореволюционной поры были бессюжетные поэмы о любви, поэмы или «большие песни», связанные с тем или иным фактом народной жизни: «Крепость Шавхала», «Гюлкыз» М.-Э. Османова [7, с. 255-256, 269-274], «Мариам» Махмуда [19, с. 112-121], «Проданная Меседу» Сукур Курбана [6, с. 143-148] и др. Но возникновение таких многоплановых лиро-эпических поэм, какими являются «Сказание о чабане» Г. Цадасы [29, с. 338-394], «Год моего рождения», «Горянка» Р. Гамзатова [14, с. 301-329, 353-492], «Рабият» Аткая [8], «Иран-Хараб» М. Митарова [21, с. 7-64], романа в стихах «Победившая любовь» А.-В. Сулейманова [25, с. 201-346] и др. стало возможно не без учета опыта создания русской классической и советской литературой крупных поэтических жанров.

Однако при этом нельзя забывать и великие поэтические традиции Востока, в частности творения Физули [28, с. 103-115], Низами [22], которые и этически, и эстетически близки народам Дагестана.

В советское время благодаря взаимодействию культур в дагестанской поэзии укрепились массовые поэтические жанры: авторские песни, гимны, марши, письма-призывы, стихи-обращения, стихи-посвящения, стихи-наставления. У ряда современных поэтов появились неожиданные для дагестанской поэзии жанры: сонеты Р. Гамзатова [11, с. 443-588], «Сюита любви» А. Саидова [24, с. 221-223], этюды А. Алема [3, с. 60-62].

В подлинном смысле расковались, раздвинулись рамки поэмы. Частое обращение к нравственной теме, стремление углубиться и познать внутреннюю жизнь личности приводят к поэме-монологу с ее лирической напряженностью и композиционной свободой. Поэмы «Разговор с отцом», «В горах мое сердце», «Весточка из аула», «Звезда Дагестана» Р. Гамзатова явились смелым, новаторским шагом в деле обновления традиций, перерождения, преобразования жанра [12, с. 5-12, 23-40, 41-48; 113-138].

В дагестанской поэзии, как считает К. Абуков, укрепились поэмы-монтажи, образованные из отдельных стихотворных новелл («Годекан» Адалло), поэмы-сцепления, в которых собственно стихотворная речь перемежается с ритмизированной прозой («Снегов вершинных чистота» О.-Г. Шахтаманова), поэмы-воспоминания, в которых в лирический поток вторгается яркая публицистическая струя («Горы» Адалло, «Судьба» Г.-Б. Багандова, «Хлеб» А. Гази, «Похищенная смерть», «Первый снег» и «Настенные часы» М. Атабаева) [1, с. 16].

Заметным вкладом в многонациональную советскую поэзию явились поэма-странствие «Остров женщин» [12, с. 219-299], поэмы-раздумья «Колесо жизни» [10, с. 358-395] и «Последняя цена» Р. Гамзатова [12, с. 88-112].

Взаимодействие разных творческих поисков во имя создания метафорической целостности образовывает неожиданные композиционные конструкции. «Капля и камень» Х. Хаметовой – поэма лиро-эпическая [27, с. 300-340]. Она скреплена из множества фрагментов, озаглавленных: «Первый монолог женщины», «Голос камня», «Диалог Рагима и Саяд», «Песня женщины», «Проклятие травы», «Голос огня», «Колыбельная Зибейды», «Пляска Байгуш», «Диалог Зибейды и Наташи», «Голос воды» и т.д. Или же назовем поэму М.-З. Аминова «Радуга песен», состоящую из «Белой песни», «Синей песни», «Зеленой песни», «Желтой песни», «Красной песни», «Черной песни», «Хоры» [5, с. 108-120].

Раскованность поэтической мысли была показателем новаторской направленности национальной поэзии. Но здесь, как кажется, есть и негативные издержки.

В ряде случаев учеба у русской поэзии подменяется ученичеством, что порождает литературщину, вторичность, манерничанье. С другой стороны, увлечение так называемой «новой поэмой» ставит под угрозу бытование традиционно-эпических норм поэм, в основе которых лежали события, явления общественной жизни. Возникает такая ситуация, когда объективно изображаемый персонаж – активная личность – вытесняется из литературы мечущимся от одной крайности в другую инфантильным двойником лирического героя.

В процессе взаимодействия с русской и другими литературами не только возникают новые поэтические жанры, но обновляются, обретают новые черты жанры, ранее распространенные, канонические. В горском фольклоре широко представлены легенды, баллады, притчи и сказания. Но баллады А. Саидова [24, с. 256-402, 436-452], легенды «Свирель гор» Б. Рамазанова [23, с. 196-246], «Шарвили» Ибр. Гусейнова [15, с. 16-45], «Притча об улыбке» Адалло [2, с. 46-49] и др. – это уже явления строго литературные, и не только в смысле современного содержания, но и средств образности.

Процесс обновления и обогащения традиционных поэтических жанров блестящим образом воплощен в книге Р. Гамзатова «Сказания» [13, с. 62-157]. Практика мировой литературы знает немало способов и путей обращения к фольклору: обработки, переложения, стилизация, цитатное внедрение, ассоциативное использование и т.д. «Сказания» Р. Гамзатова своими корнями, основой, национальным началом также восходят к устному народному творчеству горцев. Но это наиболее сложный и высший тип взаимосвязей фольклора и реалистической литературы – оригинальное истолкование канонического, соотнесение устоявшегося в веках с изменчивой действительностью нового времени.

Р. Гамзатов же углубил тему народной песни, развил образ Хочбара от героя фольклорно-однопланового до личности литературно-многоплановой, многогранной. Сохраняя стержневую концепцию песни – ее социально-классовую направленность, Р. Гамзатов в своем произведении принципиально усиливает нравственный мотив, акцентирует свое внимание на морально-этических уроках жизни и подвигов Хочбара.

Распространенная в Дагестане легенда о Хочбаре в творческой интерпретации Р. Гамзатова переросла в монументальное произведение самостоятельного значения. «Сказание...» выдающегося поэта, по мнению К. Абукова, перекликается с традициями **рыцарского эпоса** и по жанру может претендовать на **роман в стихах** [1, с. 21].

Баллады и устные рассказы, народные версии и иронические поучения – жемчужины людской памяти – в поэзии Р. Гамзатова подвергаются новой гравировке, обретают иное, более сложное воплощение. «Корзины», «Возвращение Хаджи-Мурата», «Али, покинувший горы» [13, с. 14-16, 35-37, 45-46] в обостренных, драматизированных тонах повествуют о последствиях потери человеком чувства благодарности. «Горящего сердца пылающий вздох», «Камалил Башир» – гимн неистребимости возвышенной любви [Там же, с. 37-40].

Новаторские поиски Р. Гамзатова обогатили дагестанскую, всесоюзную и многонациональную поэзию «малыми жанрами»: четверостишиями, восьмистишиями, надписями на знаменах, на винных рогах, на очагах, надгробиях и каминах, навеянными мотивами и формами классической поэзии Востока. Но во всем этом – и многовековой жизненный и духовный опыт горцев, емкость и глубина народной мысли. Плотно прессованные в несколько строк, доведенные до лаконизма афоризмов и поговорок, они заключают в себе такой сгусток ума, такое сопряжение настроений и итогов, что могли бы быть развернуты в целые поэмы.

Сонеты и элегии Гамзатова раскрыли читателю новые богатства, новые грани лирики поэта. В сонетах Р. Гамзатова – гамма настроений и переживаний, и горечь разлук, и досада неразделенного чувства, и сожаление об упущенном, и трепетная радость новизны, и томительное ожидание счастья. Сонеты Р. Гамзатова не подражание Петрарке и Шекспиру, а продолжение традиции. Новая форма не кривой кинжал на европейском костюме. Горский поэт идет от родных истоков, от самого себя и находится «на своем коне и у своей калитки» [11, с. 443-538].

Богата и жанровая палитра поэзии А. Джачаева: и сонеты, и восьмистишия, и посвящения, и стихи-раздумья, и стихи-зарисовки. К какому бы жанру ни обращался поэт, неизменной остается амплитуда его душевного состояния – все пронизано элегической грустью.

Своими книгами «Встреча», «Так приходит весна», «Дороги», «Любовь не прощает», «Крылья», «Глазами птиц», «Живу среди вас» А. Джачаев проложил четко различаемую свою тропу на просторах современной кумыкской поэзии [17].

По тематике поэзия А. Джачаева зиждется на проблемах национальной нравственности: семья, соседи, верность дружбе, жизнь и смерть, свадьбы и похороны... Понятия «земное» и «вечное» в его поэзии неразрывно связаны как благословение небес.

Значительным событием в родной поэзии явилась книга Бадрутдина Магомедова «Письмо отцу» [18]. Лирик по природе своего дарования, романтик по мировосприятию, на этот раз он написал книгу-исповедь, книгу неординарных размышлений, книгу заверений и клятвы на верность памяти человека, который стал безупречным и неувядающим с годами идеалом.

Книга эта – очень личная, поэтому понятие «лирический герой» тут весьма условно, ибо сама исповедь и исповедующееся лицо неразделимы. Единой тематической и смысловой идеей пронизаны и все четыре раздела сборника: «Зеленые, благоухающие поля», «Изюминка сердца», «Пальцы руки», «Маленькие поэмы» – в них ощущение неполноценности своего бытия, неудовлетворенности собственными деяниями при всем кажущемся благополучии.

Поэтический мир Б. Магомедова по-земному реален, в нем, как на древе жизни, словно в обнимку, притихли плач и надежда, грусть и тревожное ожидание неведомого, смиренность и неумная жажда больших свершений. Может, потому так тоскующе-величественно мечется в поэзии Б. Магомедова символический жеребец, который, проскакав дальние дали, голубые озера, рвы и заросшие бурьяном овраги, возвращается в милое пристанище, но натывается на глухо запертые ворота, бьет копытами, ударяется грудью – никто не отзывается, никто не выпускает во двор, где он был так любим и несказанно счастлив. Это – конь отца, который остался лежать на кровавых полях сражений, а мать же «друзья на плечах унесли... – горюет поэт, – от слез и печали не вижу земли» [Там же, с. 43].

Обратиться к памяти отца – огромная ответственность, ибо стыдно поведать ему о дне сегодняшнем, кипящем, бурлящем страстями, раздорами, пахнущем порохом гражданской войны. Но есть одна зыбкая надежда: может, память, святость ушедших, величие потерь образумит нас? На это уповает поэт, этой надеждой подкупает и книга Б. Магомедова «Письмо отцу» [18].

Родник и башня, сакля и кладбище в поэзии А. Даганова не атрибуты старины, а символы извечногорского, слагаемые национального бытия, опоры национального сознания, которые не померкнули в блеске и комфорте современной цивилизации. «Наш век с веками в бой вступил» – писал В. Брюсов [9, с. 381]. В этой кровавой схватке столетий революция взяла верх, но эта победа оказалась иллюзорной, ибо реальные и мнимые обретения никогда не покроют потерь. Потому что произошла ломка человеческих судеб и очевидны всевозрастающие этические лишения. Сознанием этих потерь и обусловлена грусть в стихотворениях «Ломтик хлеба», «Умирает старый горец», «Старые письма», «Смерть орла», «Парень, покоряющий коня» и поэме «Дорога из аула» Абдуллы Даганова [16], настоящей на мотивах верности колыбельным началам, мудрым и добрым обычаям предков. Здесь грешно усмотреть склонность поэта к архаике, ибо речь идет о неистребимых корнях духовности, о неиссякаемом кладезе горской морали, который сродни общечеловеческим критериям благородства и гуманности.

Традиции горской сдержанности, умение утаить от родных и близких свои личные невзгоды проступают в лучших стихах-миниатюрах аварского поэта. Вдумаемся:

Надо мной наклоняется дочь:

- Болит рана?
- Нет.

Надо мной наклоняется ночь:

- Болит рана?
- Да [Там же, с. 71].

Дом и очаг – также важные священные ипостаси в мировосприятии горца, в его жизненном укладе. Вот почему вполне закономерно появление в творчестве А. Даганова цикла «Когда строят дом» [Там же, с. 63-65], смонтированного из четверостиший:

И в малом постарайся быть великим,
 На облицовку лучший шли гранит.
 Твой дом не должен выглядеть безлико,
 Пусть он черты хозяина хранит...

Творческий мир Шейит-Ханум Алишевой [4] совершенно отличен от поэзии ее предшественников и современников. В ее стихах мы не находим переключки ни с Ырчи Казаком, ни с Анваром Аджиевым, ни с Шарипом Альбериевым, ни с Бадрутдином Магомедовым, ни с Ахмедом Джачаевым...

Поэзия Ш.-Х.Алишевой в целом и особенно образная система настояны на ассоциативно-метафорическом контексте. Вот почему ее стихи противятся облегченной, кумузно-балалаечной интерпретации. Для полного постижения поэтического мира Ш.-Х. Алишевой необходимы интеллектуальный уровень и достаточно высокая эстетическая культура.

Есть понятие «громкая лирика». Таковым остался в истории русской советской литературы В. Маяковский. В автобиографии «Я сам» пролетарский поэт декларировал: «...хочу делать социалистическое искусство» – и сознательный, программный переход на новый тип деятельности видел в следующих формах: «В работе сознательно перевожу себя на газетчика, лозунг... Пишу в “Известиях”, “Труде”, “Рабочей Москве”, “Заре Востока”, “Бакинском рабочем” и др. Вторая работа – продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю. Новочеркасск, Винница, Харьков, Париж, Ростов, Тифлис, Берлин, Казань, Свердловск, Тула, Прага, Ленинград, Москва, Воронеж, Ялта, Евпатория, Вятка, Уфа и т.д.» [20, с. 13, 23]. По этим критериям поэзия Ш.-Х. Алишевой родственна поэтической манере В. Маяковского. Нам, как и многочисленным любителям её поэзии, известно, что в собственном, авторском чтении стихи Ш.-Х. Алишевой обретают особую ёмкость, масштабность и главное – искомую многими впечатляемость. Если можно так выразиться, у Ш.-Х. Алишевой «громкая», «открытая» лирика. Как считает К. Абуков, по складу, по типу проявления своего дарования она – Поэт эстрады, Поэт площадей, Поэт митингов [1, с. 27].

Дарование Шейит-ХанумАлишевой в полную мощь развернулось именно на волне возрождения национального самосознания родного народа. Не будет преувеличением, если скажем: приобщение к личным душевным волнениям энергии социального отчаяния нации и сделало Ш.-Х. Алишеву Поэтом общественности. В сборнике «Плачь. Люби. Вспоминай» [4] ярче и острее проступают мысли и чувства, исконно выражающие дух, психологию и нравы кумыкского народа.

Панорама дагестанской поэзии 60-70-х годов чрезвычайно пестра: и именами, и поэтическими сборниками, и жанровыми притязаниями. Будем называть этот стихийный процесс «творческим поиском». Имелись и циклы, увидевшие свет в центральных изданиях. Вместе с тем, как верно подметил Каз. Султанов, «фактор поэтической индивидуальности – вот что отсутствовало во многих произведениях дагестанской поэзии. Обратная сторона этого отсутствия – удручающая безликость стиха, за которой не чувствуешь дыхания человеческой личности» [26, с. 91].

Список литературы

1. Абуков К. И. Национальные литературы Дагестана и Северного Кавказа в системе взаимосвязей: автореф. дисс. ... д. филол. н. Махачкала: ДНЦ РАН ИЯЛИ, 1993. 36 с.
2. Адалло. Алмазное стремя. М.: Современник, 1983. 183 с.
3. Алем Азиз. Морские колокола. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1975. 120 с.
4. Алишева Ш.-Х. А. Плачь, люби, вспоминай. М.: Сов. писатель, 1990. 176 с.
5. Аминов М.-З. Долгие мгновения. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2012. 288 с.
6. Антология дагестанской поэзии. Поэты дореволюционного Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1980. Т. 2. 336 с.
7. Антология кумыкской поэзии. М.: Дагестанское книжное издательство, 1959. 547 с.
8. Аткай. Рабият. М.: Советский писатель, 1957. 59 с.
9. Брюсов В. Стихотворения. Минск: Наука и техника, 1981. 559 с.
10. Гамзатов Р. Г. Избранное: в 3-х т. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. Т. 1. 822 с.
11. Гамзатов Р. Г. Избранное: в 3-х т. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. Т. 2. 752 с.
12. Гамзатов Р. Г. Поэмы. М.: Советская Россия, 1983. 352 с.
13. Гамзатов Р. Г. Сказания и поэмы. М.: Советский писатель, 2003. Т. 4. 494 с.
14. Гамзатов Р. Г. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Советский писатель, 2003. Т. 4. 495 с.
15. Гусейнов И. Шарвили. М.: Изд-во «Детская литература», 1963. 47 с.

16. Даганов А. Огни на вершинах: стихи. М.: Советский писатель, 1974. 88 с.
17. Джачаев А. Избранные произведения: в 2-х т. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. 592 с.
18. Магомедов Б. М. Письмо отцу. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. 224 с.
19. Махмуд из Кахабросо. Лирика. М.: Дагкнигоиздат, 1989. 156 с.
20. Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы. Л.: Лениздат, 1968. 632 с.
21. Митаров М. Иран-Хараб: поэма и стихи. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1968. 105 с.
22. Низами. Пять поэм. М.: Художественная литература, 1968. Т. 25. 860 с.
23. Рамазанов Б. Избранное: сборник поэзии. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. 256 с.
24. Саидов А. Мой Самур. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. 464 с.
25. Сулейманов А.-В. Избранные произведения. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. Т. 1. 349 с.
26. Султанов Каз. К. Поэзии неугасимый свет. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. 160 с.
27. Хаметова Х. Избранное. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2000. 384 с.
28. Хрестоматия по литературе народов СССР. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1950. 974 с.
29. Цадаса Г. Избранное. М.: Изд-во «Художественная литература», 1977. 404 с.

THE GENRE PALETTE OF THE DAGESTAN POETRY OF THE 60-70S OF THE XX CENTURY

Minatullaeva Madina Magomed-Shapieva, Ph. D. in Philology
 Dagestan Institute of Education Development
 m_minatullaeva@mail.ru

The article is devoted to the study of the genre diversity of the Dagestan poetry of the 60-70s of the XX century. As a result of the analysis the conclusion is made that the genre palette of the period under examination formed not without a productive influence of the experience of the Russian literature and the literature of the peoples of the East, but at the same time the Dagestan poetry preserves the features of national peculiarity, national mentality. In the Dagestan poetry of the 60-70s of the XX century large and small poetic genres strengthened such as a lyrical and epic poem and its varieties – a poem-monologue, a poem-coherence, a poem-memoir, and also a saga, a legend, a ballad, a sonnet, a sketch, an elegy, an octave and poems-dedications, poems-addressings, poems-instructions and etc.

Key words and phrases: poetry; genre; poem; saga; legend; ballad; sonnets; sketch; elegy; octaves; verses.

УДК-821.161

В статье рассматриваются особенности использования архетипической мифологемы «Свой/Чужой/Другой» в рассказе В. П. Астафьева «Далекая и близкая сказка» как средства раскрытия процесса идентификации личности в детстве. В художественном пространстве рассказа выделены характерные для детства три этапа в постижении Чужого: «Мы (дети) / Чужой», «Я/бабушка/Чужой», «Я/Чужой». Выявлены две позиции представления модели постижения Чужого и превращение его в Другого.

Ключевые слова и фразы: деревенская проза; художественный мир детства; архетипическая мифологема «Свой/Чужой/Другой»; идентификация личности в детстве; мифопоэтические черты; превращение Чужого в Другого; появление Другого Я.

Неверович Галина Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
 nevgalina@gmail.com

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МИФОЛОГЕМА «СВОЙ / ЧУЖОЙ / ДРУГОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДЕТСТВА ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ (В. П. АСТАФЬЕВ «ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ СКАЗКА»)

В художественном пространстве деревенской прозы детство существует как особый мир. В его основе лежат духовно-нравственные идеалы деревенской жизни, традиции крестьянской семьи, бытие которой определяется онтологическими фазами жизни человека: рождение, взросление, смерть. Рассматривая этическую природу «деревенской прозы», А. Ю. Большакова пишет: «Натурфилософская подоснова этических исканий у писателей-“деревенщиков” определяется их исследованием природной сути, первооснов человеческой природы, естественных понятий добра и зла. Вот почему так любят “деревенщики” изображать детство...» [2, с. 299].

В этот период жизни впервые возникает проблема взаимопонимания с окружающим миром, в том числе и в межкультурном аспекте. Считается, что «семиотика человеческого поведения предполагает существование Другого как необходимое условие идентификации личности и формирования самосознания. Благодаря существованию Другого человек способен формировать суждение о себе как о субъекте и объекте одновременно. Другой одновременно выступает посредником в отношениях личности с собой и наблюдателем её мыслей и ощущений» [3, с. 224].